

Хулио Иглесиас заставил Лужкова плясать под свою дудку

Артисты и зрители. - 1998. - июль. - (118) с. 19.

ТАСТРОМ

зициях When You Tell Me That You Love Me и All Of You. И силой своих молодых голосов лишь подчеркивали слабость и немощь голоса Хулио. Тот хитрил и в самых сложных местах переходил то на интимный шепот, то на неожиданно громогласный речитатив.

Ближе к концу программы на сцену поднялся Иосиф Кобзон, поблагодарил Хулио за «такое уважительное пение перед москвичами» и дуэтом исполнил с ним композицию «All The Girls I Loved»/ «Все девушки, которых я любил». Причем голос Кобзона звучал куда мощнее голоса Иглесиаса. А потом произошел почти смертельный номер: Хулио поведал, что сегодня познакомился с мэром столицы и безоглядно, не глядя на гетеросексуальную ориентацию, влюбился в него. Лужкова вызвали на сцену, и Иглесиас буквально заставил двух дорогих гостей спеть ему «Очи черные». Мэр сначала было запротестовал, но потом честно затянул первый куплет, после чего пустился плясать «Цыганочку» к вящей радости всего зала.

ФИНАЛ затянулся. Ушлые граждане думали, что звучит последняя песня, и начинали перебежками продвигаться к выходу. Но потом оказывалось, что нет, не последняя. Хулио начинал новую балладу, и новая партия тянулась на свободу. Так к «бису» осталось лишь три четверти зала. Причем первыми концерт покинули испанцы. Они бодро топали к Кулафьей и, уже позабыв об Иглесиасе, хвалили московский климат: жара, как в Коста-Браве.

Елена СЕМЕНОВА

ЖЕНСКОЕ население возраста ближе к бальзаковскому стекалось в Большой Кремлевский дворец, демонстрируя праздно шатающимися гражданам свое понимание вечерних нарядов: кисейные юбки, глубокие декольте спереди и сзади, шпильки. Женское население шло на Иглесиаса.

КАК ВОДИТСЯ, самые дешевые билеты были сметены из касс еще неделю назад, а перед самым концертом можно было отхватить «недорогое» местечко в партере за 500 тысяч. «Лишний билетик» спрашивали, но подразумевая амфитеатр или балкон. Естественно, в последние минуты бельэтаж шустро переместился на свободные кресла в партер, а когда погас свет и из буфета явились законные владельцы, слева и справа раздалась неэлегантные ругательства.

Едва Хулио начал петь, выяснилось, что звукорежиссер выставил ему такую мощную реверберацию (эффект эха), дабы скрыть тот факт, что Иглесиас уже не вытягивает кое-какие ноты, голос потерял глубину и стал «плоским», что из динамиков сыпался «песок». Более того, реверберацию не убирали даже тогда, когда певец просто обращался к залу, и у зрителей создавалось впечатление, что они находятся где-то в горах. А апеллировать

Фото Геннадия Усоева

к аудитории приходилось, и не раз. Во-первых, с традиционным поповым кличем: «Я не вижу ваших рук!» Иглесиасу безумно хотелось завести зал и никак не удавалось это сделать. Лишь несколько одиноких фигур отчаянных фанатов одиноко маячили на фоне блаженно сидящего зала. Поэтому, во-вторых, Иглесиас устраивал «шоу поклонниц»: церемонно целовал каждой руку и просил номер телефона. В микрофон. На английском с безжалостным испанским акцентом предполагал, что двое детей одной из фанаток

завелись от его музыки, и делал прочие игривые предположения. Третья «отвлекалочка» была представлена парой танцоров, извивающихся в ритмах танго.

ПЕРВЫЕ три или четыре композиции были настолько монотонно схожи и к тому же не знакомы зрителям, что казалось: все это - одна бесконечная песня. Лишь четвертая, Natalie, была известна и вызвала одобрение публики. Именно в такой пропорции «известное-неизвестное» прошел весь концерт. Песне на восьмой лысеющая голова впереди меня неестественно склонилась набок и издала виртуозную трель храпа. Спутница, видимо жена, отчаянно толкнула соседа в бок. «Ну вообще! Ладно бы концерт классической музыки! А то здесь, на Хулио!» - возмущенно шептала она.

К публике Иглесиас старался поворачиваться исключительно правым боком, что вызывало некоторое недоумение у сидящих слева - к ним Хулио частенько был обращен пятой точкой. Причина же такого «правого уклона» была проста и давно известна всему миру: после страшной аварии, в которую Иглесиас попал 35 лет назад, на левой щеке у него остался шрам, который не скроет ни грим, ни загар, несмотря на то что последним Хулио явно злоупотребляет - в Москву он прибывает отчаянно красного цвета.

На подпевках у Хулио состояли три молоденькие и весьма голосистые девушки. Именно они исполняли партии Долли Партон и Дайаны Росс в компо-